

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МАЛЫШЕВ ВЛАДИСЛАВ БОРИСОВИЧ

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В МЕТАЯЗЫКЕ
НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Специальности 24.00.01 – теория и история культуры
09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Санкт-Петербург
2013

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исследование возможных способов описания культурной реальности является одной из самых актуальных проблем в ситуации становления культурологического знания в рамках философии культуры. Невозможно описать современность, исходя только из нее самой. Следует, во-первых, увидеть ее истоки, во-вторых, выйти за ее пределы. Актуальной выбранную тему делает необходимость опереться на определенные априорные или трансцендентальные теоретические положения, которые делали бы возможным синтез культурологического знания на онтологической почве. Философские основания таких описаний лучше всего могут быть выявлены при обозначении пределов европейской метафизики, которыми фундируется наше видение мира, обусловленное культурными предпосылками. Определение способов бытия в культуре предполагает выбор семиотической стратегии описания, переходящий в проблему метаязыка культуры. Важнейший аспект этой проблемы - вопрос о природе такого языка. Должен ли он отвечать инновационной методологии понимания культуры как знаковой системы, быть суммой бесконечного ряда искусственных метаязыков или может быть понят как теоретический поворот к истокам понимания культуры? Должен ли этот поворот быть совершен через систему понятий, или надо избежать метафизической гомологии и стремления к универсализации теоретических положений?

Поиск «словаря» определенных понятий является недостаточным для постулирования метаязыка описания культуры. Предельные основания метаязыка культуры могут быть выражены только через базовые, фундаментальные познавательные метафоры. Метафоре не хватает трансцендентности, она лишь «окно» для восприятия, но не само онтологическое «здание». Необходимо дополнить метафору символом. Метафора обладает «субституцией», но это не семиотическое указание, а именно онтологическая отсылка. Главный символ здесь «φύσις» – природное бытие и исток культуры.

Осознание пределов познания культуры должно вести нас к теоретическому повороту и более глубокому и обширному пониманию бытия человека в мире культуры. Такой предел в традиционном категориальном аппарате философии может быть обозначен как трансцендентальное. При всем обилии интерпретаций этого термина в истории философии и современных исследованиях для нас значимо понимание трансцендентального как изначального, первичного, наивысшего. Благодаря трансцендентальному появляется возможность описания онтологических срезов на границе эпох и предельных способов понимания того или иного культурного «мира». Трансцендентальное непременно отсылает к трансцендентному. При очевидности различения категорий трансцендентного и трансцендентального трансцендизм как культурно обусловленная стратегия философствования о культуре (И.М. Лаврухина) может быть понят двояко. С одной стороны - с позиций европейского

креационизма, негативной онтологии, апофатической онтологии ничтожения (Аврелий Августин, Ж.-П.Сартр). При этом важно помнить о необходимости выхода за пределы логицистских построений (Р.Карнап, А.Гарский, Б.Рассел, Л.Витгенштейн), ведь ничто может пониматься как онтологически внечеловеческое. С другой стороны, существуют античные стратегии эманизма, наиболее продуктивной почвой для их изучения является онтология М.Хайдеггера.

Фундаментально проблема бытия в контексте человеческое-внечеловеческое, была поставлена М.Хайдеггером вслед Гераклитом, Парменидом, Анаксагором. Необходимо иметь ввиду историю европейской метафизики в контексте культуры и философии Средних веков. Ключевые фигуры здесь Аврелий Августин и Николай Кузанский.

Построение теории языка культуры является неполным, если взять за основу только систему понятий. Неполноту категориального описания культуры способен преодолеть тропологический аппарат описания, прежде всего, метафора.

Теория метафоры применительно к целям научного описания исследовалась в трудах Ф.Р.Анкерсмита, Х.Блюменберга, Э.Кассирера, Э.Мак-Кормака, Ст.Пеппера, Х.Ортега-и-Гассета, Р.Рорти, Х.Уайта, М.Хессе и др. Подход с использованием теории метафоры и исторической семантики можно охарактеризовать как тропологический или инструменталистский. Метафора не отрицает понятие, она восполняет его, она обогащает базовую оппозицию интеллигибельного и чувственно-наглядного (понятия и образа). Тем более, что выдвигаемые на первый план базовые метафоры в то же время выполняют категориальные функции. Они дают нам исчерпывающий способ описания той или иной реальности. Поэтому мы придерживаемся термина «фундаментальные метафоры». Фундаментальные метафоры приоткрывают завесу, за которой скрываются культуросозидающие способы деятельности, принятые в определенную эпоху.

Степень разработанности проблемы. В истории философии проблема метаязыка ставилась в определенных аспектах. Первый аспект проблемы метаязыка - поиск универсального или совершенного языка средствами сравнительного языкознания и структурной лингвистики. Здесь, попадая в область сравнительного языкознания, мы почти не имеем дело с метафизикой, которая должна быть необходимой почвой для конституирования метаязыка. Мы соприкасаемся с ней только в одном отношении - в рамках особого теологического дискурса, важнейшего фактора как для европейской культуры в целом, так и для европейского трансцендентализма. Европейская постановка вопроса о совершенном языке имеет восточное происхождение и связана с Библией, прежде всего с мифом о Вавилонском столпотворении. Эта проблема становится в европейском Средневековье поиском образов или «зеркал» мира». Отцы церкви, от Оригена до Аврелия Августина считали протоязыком язык Библии, т.е. древнееврейский. Мыслители Средневековья в русле теологического дискурса ставят вопрос о первоязыке. Вещность совершенного языка,

обретенная путем гипостазирования абстрактных сущностей - весьма специфическая черта европейского мирозерцания. Поиск совершенного языка начинается с архаических палеоязыков, и заканчивается формированием современных искусственных языков. Зачастую дело доходит до исторической реконструкции европейского праязыка как вторичной моделирующей системы современными учеными-лингвистами (Тартусско-Московская школа). В конечном счете, единственно продуктивным путем является суммирование лингвистических достижений металингвистическими средствами семиотики (в качестве пансемиотики, метасемиотики). Наиболее значительными в этом плане становятся работы М.Бахтина, Ю.Лотмана, У.Эко. Недостатком подходов к проблеме в этом аспекте является поверхностность и обусловленность принятой в данную эпоху эпистемой. Язык изучается как порождение данной культуры, но только не в онтологическом плане, часто с утратой исторического содержания, что собственно и создает ситуацию острой методологической нехватки.

Из крайности «филологического» видения мира мы попадаем в другую крайность – выхолащивания естественной гетерогенности культуры средствами метафизики. В новоевропейской версии метафизики от И.Канта до М.Хайдеггера и Л.Витгенштейна проблема трансцендентального применительно к реальности языка поставлена особенно остро. Но ей недостает признания культурной обусловленности своего видения мира, своей индивидуальной точки зрения на окружающую действительность. Поздний Л.Витгенштейн делает значительный шаг в сторону от проблемы, выдвигая концепцию «языковых игр» и считая обыденный язык наиболее совершенным из всех возможных, но его концепция окончательно утрачивает онтологический смысл. Ведь если не понять предельных оснований бытия культуры, почти невозможно выбраться из ловушки языка, поскольку мы «помещены» в культуру через язык. В этом плане наиболее продуктивными являются исследования, связанные с изучением отношения языка и внеязыковой реальности.

Мало обращается внимание на то, что бытие языка хорошо отображают именно внеязыковые инстанции. Наилучший способ скоординировать различие в языках описания и подвести к этим внеязыковым инстанциям – метафора. Как мы предполагаем, метафора – базовый элемент всех возможных семиотических «эсперанто», универсальных языковых схем для межкультурного диалога.

В плане структурного исследования феномена метафоры важны работы Э.Ортони, М.Блэка, Р.Бойда, Э.Кассирера, Э.Мак-Кормака, Ст.Пеппера, П.Рикера, А.Ричардса, Х.Уайта. Особый интерес представляет проблема «главных» (базовых, коренных, фундаментальных) метафор культуры в исследованиях В.П.Адриановой-Перетц, Ф.Р.Анкерсмита, Х.Блюменберга, Г.Д.Гачева, С.С.Гусева, М.Джонсона, И.Т.Касавина, Дж.Лакоффа, Л.Мэмфорда, Л.А.Микешиной, М.Мюллера, С.С.Неретиной, Х.Ортега-и-Гассета, А.Н.Панченко, Р.Рорти, И.П.Смирнова, О.А.Свирепо, О.Фрейденберг, М.Хессе.

В плане философии языка особенно важны работы М.Хайдеггера, Л.Витгенштейна, В. фон Гумбольдта, Ф.Г.Юнгера. Проблема языка, поставленная аутентично хайдеггеровской традиции присутствует в текстах Н.Автономовой, В.В.Бибихина, А.Л.Доброхотова, А.Г.Дугина, П.П.Гайденко, Р.М.Габитовой, Г.А.Ермоленко, Л.Л.Ионина, В.А.Конева, В.В.Костецкого, И.А.Кребель, И.М.Лаврухиной, Б.И.Липского, Б.В.Маркова, А.А.Михайлова, В.И.Молчанова, Н.М.Мотрошиловой, В.М.Шкарупы.

Отдельные эстетические и историко-культурные аспекты проблемы исследования рассматривались в трудах М.Блока, Ж.Бодрийера, Ж. Ле Гоффа, Ж.Делеза, К.Кларка, Э.Пановфского, Ж.Рансьера, У.Эко, М.Элиаде; Т.А.Акиндиновой, Н.В.Голик, С.С.Гусева, А.С.Колесникова, А.Ф.Лосева, Л.Д.Любимова, С.С.Неретиной, А.Г.Погоняйло, В.В.Прозерского, А.Е.Радеева, Н.М.Савченковой, Б.Г.Соколова, Е.Г.Соколова, В.Ю. Сухачева, М.И.Туровской, М.С.Уварова, Е.Н.Устюговой, В.П.Щербаков, Э.П.Юровской.

В метафоре обязательно присутствует трансцендентальность, как граница между языком и не-языком. Под внеязыковыми понимаются такие инстанции как «ничто», «сознание», «Бог», «дух», «тело», «внечеловеческое», «вещь». В ситуации становления культурологического знания дать очередной набор культурологических терминов не значит еще найти предельные семиотические основания бытия культуры. Постулировать семиотические основания не означает, что под них подведены основания онтологические. Совпадение подобных противоположностей – сложная и тонкая задача. В соответствии с выдвигаемыми онтологическими положениями, язык, являясь частью культуры, частью по характеру своему априорной, изначальной, не может ставиться с ней в отношении противоположности. Однако, может пониматься как ее трансцендентальная прагматика, которая позволяет понять всю культуру как подсистему бытия. В соответствии с позицией эманизма (мы ограничиваемся только версиями М.Хайдеггера, М.Мамардашвили, А.Пятигорского), от языка как от онтологической инстанции выстраиваются все остальные инстанции, интерпретируемые через базовые эпистемологические метафоры («лабиринт» языка, «телесность» языка, «машинность» языка и т.д.). Креационистский же подход выдвигает водораздел между языком и его трансцендентными инстанциями. На наш взгляд различие между эманизмом и креационизмом кажущееся. Креационизм и эманизм совмещаются методом параллаксного видения. Онтологически как начало, эманлирующее из себя все иное, язык возможен только как «высшее» бытия. Однако семиотически все внеязыковые инстанции возможны только как знаково-символические референты. Именно в этом совмещенном смысле язык в модусе трансцендентального интересуется нас как ее первичный метаязык. Метаязык культуры можно понять как феноменологическую редукцию к ее изначальности не только через инстанцию сознания, но также вариативно, через трансцендентные инстанции – «ничто», «сознание», «Бог», «дух», «тело», «внечеловеческое», «вещь». В этом аспекте проблема ставилась и

исследовалась М.Хайдеггером, М.К.Мамардашвили, А.М.Пятигорским, Ф.Г.Юнгером. Изначальность семантического треугольника язык – искусство – поэзия в онтологическом проекте М.Хайдеггера многое проясняет в этом отношении. Такая экстраполяция проблемы языка позволяет включить в трансцендентальные основания метаязыка культуры и такие современные нам реалии как мир медиа, прежде всего, мир-как-кино (Ж.Делез), не нарушая цепь преемственности в европейской эпистемологии.

Объектом исследования является метаязык европейской культуры, его **предметом** – фундаментальные метафоры в метаязыке новоевропейской культуры.

Гипотеза исследования – если совершить редукцию языка культуры к фундаментальным основаниям, то он становится метаязыком.

Цель исследования – определение фундаментальных метафор в новоевропейской культуре.

Задачи исследования.

1. Рассмотреть возможности онтологического обоснования метаязыка культуры, задать метаизмерение языка культуры и определить его онтологические границы.
2. Адаптировать к проблеме исследования понятия, необходимые для исследования метаязыка культуры в онтологических, семиотических и иных аспектах: понятий «φύσις», «язык», «картина мира», «вещь», «мир», «ничто», «внечеловеческое» («нечеловеческое»). Определить особенности и специфику концептуализации языкового мета-уровня в новоевропейской культуре.
3. Рассмотреть и концептуализировать базовые (фундаментальные) метафоры, следуя от онтологических к семиотическим основаниям их применимости: строительную метафору, метафору метафизического циферблата, фундаментальные метафоры мира как тела, мира как воображаемого, мира как машины и орбитальную метафоры.
4. Соотнести онтологические основания метаязыка новоевропейской культуры с семиотическими на примере текстов М.Хайдеггера и Л.Витгенштейна, Н.Кузанского, Э.Кассирера, Ч.Пирса, Ж.Делеза.
5. Систематизировать и гипостазировать метафоры и семантические ориентиры в рамках принципиальной схемы метаязыка описания культуры.
6. Осуществить метаисторическую рефлексию над фактами исторического пути, пройденного европейской культурой; рассмотреть семантику метафор на примере литературных текстов и кинофильмов.
7. Рассмотреть бытие языка в его семантических расширениях, как мезобытие, бытие «между».

Научная новизна.

- Произведена семиотическая редукция положений европейской метафизики путем обращения к языку метафор. Фундаментальные метафоры выступают основными вехами такой редукции. Метаязык культуры представлен как язык фундаментальных метафор, отражающий предельные

семиотические, гносеологические и онтологические основания бытия европейской культуры.

- Впервые метаязык культуры определен через отношения языковой мезореальности к определенному набору внеязыковых инстанций. Впервые выявлена и концептуально закреплена инстанция «внечеловеческого» («нечеловеческого») как важная доминанта архаической и современной культуры.

- Разработано понятие орбитальной метафоры как отражение присущего европейской культуре способа деятельности. Ядром концепции стала разработка дополняющей указанную концепцию эпистемологической метафоры метафизического циферблата.

- Понимание европейского воображаемого спроецировано на реальность современных медиа. Разработаны понятия «внечеловеческое», «химерическое». На этой основе рассмотрены фэнтези-проекции фундаментальных метафор в текстах литературы и киноматериалах.

- Помимо фундаментальных, разработаны такие эпистемологические метафоры как строительная метафора, метафора «метафизического циферблата», эвристически необходимые для синтеза ранее изученных фундаментальных метафор европейской культуры.

- Разработана базовая стратегия метаисторической рефлексии над фактами европейской культуры. Метаисторическая рефлексия охватывает основные срезы бытия европейской культуры.

Теоретическая значимость. Разработана теоретическая платформа понимания метаязыка культуры на основе совмещения положений фундаментальной онтологии, семиотики, аналитической философии (в версии Л.Витгенштейна), теории метафоры (М.Блэк, Э.МакКормак, Х.Ортега-и-Гассет).

В отличие от эксплицитно выраженных фундаментальных метафор, базовые строительная метафора и метафора лабиринта являются сквозными для многих культур, формируя основания европейской культуры. Особенно важны в этом плане тексты И.Канта и М.Хайдеггера. Архитектоника трансцендентальной философии И.Канта коррелируется с онтологическим символизмом М.Хайдеггера; семантические проекции философии М.Хайдеггера оттеняются семантикой текстов Л.Витгенштейна.

В проведенном исследовании предельно широко в историческом контексте разработана концепция метаязыка культуры с использованием положений фундаментальной онтологии и традиции европейского трансцендентализма.

Теоретически преодолены основные противоречия формально-семиотического подхода к пониманию метаязыка описания культуры путем корреляции семиотических и онтологических позиций. Семантическая неполнота языка описания культурной реальности восполнена метаязыковыми средствами. Концептуализированы способы преодоления противоречий, связанных с семантической неполнотой языка описания

культурной реальности путем обращения к фундаментальным онтологическим положениям.

Практическая значимость. Разработанная концепция метаязыка культуры может быть использована в качестве основы для преподавания инновационных курсов, предназначенных для интеграции содержания гуманитарного образования.

Полученные результаты значимы в практике преподавания курсов «Философия», «Семиотика», «Культурология», «История и философия науки», «Философия культуры».

Методология и методы исследования.

В соответствии с выбранной темой, исследование строится с учетом положений фундаментальной онтологии М.Хайдеггера в их отношении к базовым презумпциям европейской метафизики и постметафизическим концепциям, данным в исторической перспективе (Аврелий Августин, Николай Кузанский, И.Кант, Л.Витгенштейн, Ж.-П.Сартр, М.Мерло-Понти, Ж.Делез и др.). Большое значение для целей исследования имеют некоторые аспекты философии раннего и позднего Средневековья (креационизм Аврелия Августина, идеи Николая Кузанского), историческая семантика и теория метафоры (Ф.Р.Анкерсмит, М.Блэк, Ж.Ле Гофф, Х.Ортега-и-Гассет, П.Рикер, Х.Уайт и др.). В более детальном ракурсе рассмотрения проблемное поле исследования касается следующих областей: фундаментальной онтологии, аспектов трансцендентальной философии, семиотики, философии сознания педагогики, педагогической эвристики, культурологии. Методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения научно-философского знания и отдельные теории (М.Мамардашвили, А.Пятигорский, К.Свасьян и др.), семиотические и структуралистские концепции (Р.Барт, Ж.Деррида, Э.Кассирер, К.Леви-Стросс, Ю.Лотман, В.Налимов, В.Тэрнер, О.Фрейденберг, У.Эко и др.), феноменология и фундаментальная онтология (Э.Гуссерль, М.Хайдеггер, Ж.-П.Сартр, М.Мерло-Понти), теория киномонтажа С.Эйзенштейна и метафизика кино Ж.Делеза; метод параллаксного видения Сл.Жижека.

Положения, выносимые на защиту:

- В основе постижения европейской культуры в трансцендентальном модусе лежит базовая схема, конституируемая с помощью системы фундаментальных метафор, дополняющих основные категориальные схемы. Фундаментальные метафоры – репрезентации трансцендентальных оснований способов деятельности, присущих определенной эпохе, проявленных в языке. Инстанция бытия посредством актов негации редуцируется сначала до стадии воображаемого, затем до механистической картины мира, и, наконец, до позитивистской картины мира как частного проявления фундаментальной орбитальной метафоры.

- Фундаментальные метафоры не сменяют одна другую в строгой последовательности. Смысл этого процесса предстает как усложнение способа опосредования первичной реальности. Метафоры выступают как

репрезентации возможностей, которые могли быть реализованы в европейской культуре при определенных культурно-исторических условиях. От изначального телесного синкретизма (мир как тело) европейская культура, оказавшись на грани метафизического ничто, преодолевает эту пустоту, создавая новый мир европейского воображаемого. Инстанция воображаемого коррелируется, прежде всего, с категориями «ничто» и «внечеловеческое». Химерическое мерцание фантомных образов в эру масс-медиа своим истоком имеет тот проект мышления, который зарождался в ощущении внечеловеческого.

- Семантику европейского видения мира определяет сочетание семантики «машины» и семантики «воображаемого». Синтез воображаемого и машинного напоминает о фундаментальной орбитальной метафоре. Орбитальность – знаковая циркуляция в мире медиа. Исторически происходит сначала онтологическое «подвешивание» текстов культуры, а затем – их медийная циркуляция.

- «Неполнота» той или иной фундаментальной метафоры может быть семантически восполнена системой необходимых понятий и онтологически – присутствием трансцендентных инстанций. Такими инстанциями могут быть «природа», «бытие», «Бог», «сознание», «внечеловеческое», «медиа» («мир как кино»). Указанные инстанции используются в исследовании преимущественно для целей онтологического и семиотического восполнения, а не сами по себе. Метаизмерение языка с позиций европейского креационизма (Аврелий Августин) интерпретируется прежде всего через категорию ничто (как безосновность религиозной догмы, как метафору сознания, как атрибутику хтонического начала), возникшую в контексте истории воображаемого в эпоху Средневековья. Важно подчеркнуть, что категория ничто, попадая в метафизическую область, неизбежно сводится к противоречиям. Поэтому уместнее рассматривать ее в мифологическом контексте, как символическое выражение внечеловеческого, эмпирической репрезентацией которого является нечеловеческое. Категория нечеловеческого в европейской культуре тесно связана с метафизикой ничто, что, как правило, выражается хтонической символикой.

- Взаимодействие семиотического и онтологического измерения метаязыка культуры возможно при сопоставлении положений хайдеггеровой онтологии и витгенштейновой методологии. Европейская языковая картина мира предстает как трансцендентальный лабиринт. Трансцендентальный лабиринт может быть рассмотрен как путь в бытии языка. Однако при утрате трансцендентальности языковой лабиринт приобретает статус «картины мира». «Картина мира» ограничивает изначальную открытость бытия. Понятие «метафизического циферблата» иллюстрирует судьбу европейской культуры, историю создания «трансцендентальных заглушек», метафорически закрепленных как «картина мира», «образ мира», «метафизический циферблат». Совмещение символического «круга» бытия, присутствующего в фундаментальной онтологии и «метафизического

циферблата» порождает концептуальное представление об «орбитальности» как специфически присущем европейскому сознанию пониманию мира через язык.

- Язык в своем изначальном смысле и есть метаязык культуры. Это метаизмерение может быть понято как семантическое расширение «поэзия - язык - искусство», как непрестанно совершающееся восхождение к истокам культуры. Исток культуры понимается как «просветляющая середина бытия», окружающая сущее. В современную эпоху, когда он приобрел семиотическое измерение, он может быть рассмотрен метапозиционально. Бытие языка становится бытием «между», мезобытием. Язык делается той «картиной» реальности, которая вовлекает нас в трансцендентальную игру, игру европейского воображаемого на поверхности метафизического циферблата, созданного европейскими мыслителями в Новое время.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные результаты и положения диссертационного исследования отражены в двух монографиях и 14 статьях, рекомендованных ВАК РФ, перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Выводы и результаты исследования докладывались на 2-х Всероссийских философских конгрессах (Новосибирск, 2008; Нижний Новгород, 2012); на международных конференциях, в их числе «Онтология в XXI веке: проблемы и перспективы», 2006 г. Санкт-Петербург), международной научной конференции «Бытие как центральная проблема онтологии» (Санкт-Петербург, 2007), «Медиафилософия: границы дисциплины» (Санкт-Петербург, 2008), «Трансформации: риск, кризис, адаптация» (Самара, 2008), «Ребенок в современном мире» (Санкт-Петербург, 2012; 2013); на всероссийских конференциях с международным участием, в их числе «Эстетика без искусства? Проблемы и перспективы развития» (Санкт-Петербург, 2009).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, содержащих 13 параграфов, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяется степень ее научной разработанности и новизны, формулируется гипотеза, круг решаемых проблем, задачи и цели работы, определяются основные методологические основания, представляется теоретическая и практическая значимость результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** диссертационного исследования «**Онтологические и гносеологические основания метаязыка культуры**» рассматриваются возможности онтологического обоснования метаязыка культуры через те

фундаментальные допущения, которые могут стать основой концептуализации фундаментальных метафор, «главных» метафор для описания способа деятельности, конституирующего ту или иную историческую эпоху. Эти способы деятельности выявляются через тексты тех мыслителей, чьи идеи наиболее репрезентативны в плане характеристики метаязыка новоевропейской культуры. Дается обоснование понимания сущности культуры через язык, задается метаизмерение языка культуры и определяются его онтологические границы. Определяются особенности и специфика концептуализации языкового мета-уровня в новоевропейской культуре.

В параграфе 1.1 «Возможности онтологического обоснования метаязыка культуры» рассматриваются понятия, необходимые для исследования метаязыка культуры: понятия «мета», «трансцендентальное», «метаязык», «φύσις», «язык», «картина мира» (нем. Weltbild), «вещь», «мир», ничто, «внечеловеческое» (нечеловеческое). Грекоязычное «мета» и латинизированное «транс» выражают раздвоение европейского видения мира на «чувственное» и «умопостижимое». С одной стороны, в истоках европейского мышления мы находим изначальное единство, синкретизм в понимании бытия (М.Хайдеггер), с другой стороны раздвоение на «чувственное» и «умопостижимое» (И.Кант). Истину можно увидеть в структурном зазоре между метафизическими крайностями, в той «середине», где обретается утерянное бытие «между». Эту область бытия «между» можно обозначить по-разному, но суть от этого мало изменится. Европейская ментальность сделала бытие «между» непроницаемой семиотической границей, не замечая предельное различие, которое стоит за этим опосредованием. Проницаемость всех уровней сущего, то, что просветляет его, само бытие перестало быть ведущей трансцендентной инстанцией. Самыми продуктивными возможностями в методологическом плане являются традиции кантовского трансцендентализма, с одной стороны, и онтология М.Хайдеггера, с другой. Раскрывая положения хайдеггеровой онтологии, можно выявить исторические вехи метафизического опосредования первичной реальности. Сначала рассматривается начало, выражающее синкретизм, изначальную цельность мировосприятия – природа в изначальном смысле, φύσις. Затем ставится вопрос о Новом времени как «времени картины мира». Это эпоха означает, что мир представлен через «образ» или «картину», (нем. Bild). Происходит набрасывание антропоморфного образа на сущее. Человек опосредовал мир через собственный образ, проецируя его на сущее. Расщепление мировосприятия выражается по-разному в новоевропейской метафизике. Смысл этого процесса прост – уход от бытия, опосредование изначального мышления исторически обусловленными способами репрезентации. Все, что у нас остается – это «просветляющая середина» бытия, понимаемая как мезореальность языка и первоструктура культуры. Но понимание этой мезореальности – необычайно тонкая проблема. Язык следует понимать не только в инструментальном модусе как орудие или выражение, в

имманентном применении, но и в трансцендентальном измерении, начав с того, что «язык говорит», не деля его изначальное единство на «язык» и «речь». Именно М.Хайдеггер говорит о языке как о трансцендентной инстанции. «Говорение» (Sprechen) и «сказывание» (Sage) на самом деле являются «изначальным переводом». Язык несет в себе мета-измерение, с возможностью самотрансцендирования и метапозиционирования. По сути речь идет о «языке языка». «Нечто неявное» в языке является основным. Язык скрывает в себе φύσις как нечто «изначально узренное», как «неприметное сияние». Именно в этом смысле М.Хайдеггер говорит о языке как о «доме истины бытия».

Далее рассматриваются возможности онтологического обоснования сущности культуры через язык. Ставя вопрос о культурно-исторической эпохе, о культуре как синтетическом единстве текстов, нельзя забывать, что культура есть порождение языка. Часто под культурой понимается синтетическая совокупность инструментальных реальностей (знаковых систем), которая охватывает собой бытие языка как первоструктуры. Однако «совокупность инструментальных реальностей» есть нечто иное, как историческое бытие. Культура - «золотая середина», окружающая сущее. В современном понимании язык циркулирует на орбите культуры. Он жестко вписан в нее.

Продуцирование текстов происходит так, что изначальное «переплетение» языка имеет своей проекцией тексты (лат. textus - переплетение) культуры. Отличие современных текстов в том, что они существуют в ситуации семиотического коллапса, информационной избыточности. В каждую историческую эпоху мы имеем дело с разными способами опосредования первичной реальности. В Средневековье это текст Библии и знаменитые «каменные книги» готических соборов, в Новое время текст метафизический, раздвоение реальности на «эмпирическое» и «рациональное», когда рациональный метауровень надстраивается над уровнем «физических» явлений. Утрата трансцендентного компенсируется инстанцией сознания. В Новейшее время матрица абстрактных величин как «научная картина мира» в ее апогее, язык понимается как «исчисление» и возникает возможность создания ЭВМ. Итак, текст Священного писания; текст метафизический, текст - компьютерная матрица. Проходя как универсальный принцип через все эпохи, это скорее то, что относится к любому «языку» культуры, чем к метаязыку. Таким образом, мы можем понять метаязык европейской культуры как ее онтологическую изначальность, как артикуляцию природного бытия φύσις. При этом можно сделать вывод о том, что языку нужна не столько эмпирическая семантика, сколько трансцендентная инстанция, которую он полагает как собственную границу (возможно и обратное). В следующем параграфе рассматриваются несколько подобных инстанций в качестве «трансцендентного означающего» языка: ничто, «Бог», «внечеловеческое».

В параграфе 1.2 «Метафизика ничто в европейской культуре» рассматривается категория ничто, ее роль и место в европейской метафизике и искусстве.

Интерпретация проблемы ничто в любом случае отсылает к основополагающему пониманию сущего. Вопрос о ничто означает охват всей европейской метафизики, так как обусловлен самим ее характером, а также подразумевает перешагивание за пределы сущего как трансценденцию. Весьма ценной идеей, которую мы могли бы высказать, является именно идея ничто как важнейшего условия бытия европейской культуры. Речь не о ничто «самом по себе», а как об обязательном элементе текстов культуры: существует некая переменная пропорция соотношения «бытия» и «ничто» в фактах европейской на разных вехах ее истории; ничто есть альфа и омега семиотического опосредования сущего. Приводятся пять принципиально значимых положений.

Первое. Представление о ничто как о хтоническом начале заимствуется с Востока. Примерами могут быть Дракон средневековых легенд и рыцарских романов, библейский Левиафан (весьма устойчивый образ), Святой Георгий, побеждающий Змея, обязательные изображения чудовищ и химерических существ, на стенах романских и готических соборов. Изображениями химер и гаргулий в искусстве этот список далеко не исчерпывается. Дальнейшие положения уводят нас в европейскую метафизику. Второе. Ничто абсурдно, значит, в него можно верить. Этот тезис отсылает к философии Средних веков. Так проявляется амбивалентность, «двоемыслие» в европейской метафизической традиции. Третье. Ничто невозможно, значит, оно является условием всякой возможности. Этот тезис отсылает как к кантианству, так и к традиции трансцендентализма в целом. Вспомним новоевропейский эмпиризм и рационализм. Поиск субстанции в рационализме проходит через точку *cogito*, когниции, универсального опосредования. Эти учения, на первый взгляд, являются антиподом метафизике ничто, но, когда происходит погружение в учение о трансцендентальной апперцепции (Кант) или субъективизм (Беркли, Юм), мир предстает как иллюзия на фоне ничто, подобно современному пониманию мира-как-кино. Четвертое. Ничто бесформенно, значит необходимо придать ему образ, проецируя через то или другое произведение искусства. Этот тезис, в отличие от двух первых отсылает к глубинной семантике (онто-семиотике). Добавим также, что процессуальность ничто может проявляться по-разному в образах искусства. Это могут быть псевдообразы хтонических существ и монстров – драконы, гаргулии, химеры. Пятое. В экзистенциальной философии ничто становится синонимом бытия, сознания и способности воображения (М.Хайдеггер, Ж.-П.Сартр).

«Креативность» ничто в мире артефактов культуры можно проиллюстрировать через ряд примеров. Вспомним человеческие фигуры на западном портале Шартрского собора с их необычайно одухотворенными лицами, средневековые гобелены, шедевры Джотто, живопись Возрождения.

Портреты Ван Эйка, Леонардо, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Эль Греко, Веласкеса и др. Не менее важными факторами предстают куртуазность в европейской культуре, исповедальность текстов, личностная история, данная через театр и литературу. Творчество таких художников как В.Шекспир, И.В.Гёте является сугубо специфичным для европейской культуры личностного начала. В творчестве М.Хайдеггера, напротив, из экзистенциального проекта изъят личностный фактор. Европейская культура в «лосевском» смысле может быть понята как сеть одухотворенных личностных историй, образующих некий метатекст. Однако метафизика ставит свою «трансцендентальную заглушку» по отношению ко всему живому. Возникает вопрос: что это за одухотворенность, если она поймана в зеркало понятия и математически распределена на абстрактном циферблате метафизического? Дело в том, что ничто в разные исторические эпохи играет разную роль и по-разному спроецировано в тексты культуры, создавая новые способы опосредования сущего.

Категория ничто соотносится с базовой хтонической метафорой, метафорой «внечеловеческого» («нечеловеческого»), которую мы вводим. Мифологические истоки европейского видения мира вскрываются в контексте семантических оппозиций ничто - «творение» (онтологическая «вертикаль»), а также оппозиции «форма» - «внечеловеческое», «бесформенное» (онтологическая «горизонталь»). В метафизике Августина и его последователей творение мира богом означено максимальной пассивностью материальной стихии по отношению к божественному Слову (как метафоре формы). В трудах Августина еще заметно античное восприятие ничто как бесформенно-хтонического, которому божественное Слово придает форму. Однако появляется и дух абсурда, который в европейской культуре доживает до эпохи оформления экзистенциализма, а затем и постмодернизма. Вышеуказанные положения об абсурдности, невозможности, бесформенности ничто иллюстрируются в метафизике Августина, следуя которому «ничто есть», причем «ничто есть в Боге». Получается, что ничтожное есть в Совершенном, на что указывал М.Хайдеггер. Так развивалась европейская метафизическая мысль с ее парадоксами о совпадении противоположностей (Николай Кузанский и др.). Слияние хтонических мифологем европейской культуры (как метафор внечеловеческого) и базовой метафоры «формы» - существенная черта европейской метафизической традиции. В метафизике Средневековья Бог создает мир из ничего. В неклассической метафизике человек занимает место Бога и сам должен создать себя из ничего (например, экзистенциальный проект Ж.-П.Сартра). Сегодня на место «небесного ничто» (Ф.Ницше) занимает «медийное ничто». Анализируя работы Ж.-П.Сартра в качестве наиболее репрезентативных в плане новоевропейского понимания проблемы ничто, можно понять, что ничто имеет статус трансцендентного. При этом, как указывалось, рецепт европейского «восставления» мира обязательно включает опосредование через ничто как формирование образа мира. Этот образ в метафизическом смысле, как говорит Ж.-П.Сартр, несет в себе

двойное отрицание. Как показано далее, в третьей главе, ничтожение есть условие создания различных проекций европейского воображаемого, мерцающих во мраке химер виртуальной реальности. Непрерывное воспроизводство виртуального посредством средств медиа фундаментально исследовано Ж.Бодрийяром, который продолжает традицию мысли Ж.-П.Сартра, А.Бергсона. А.Бергсон в своей бескомпромиссной критике интеллекта использует такие метафоры как метафизический «ноль» и метафору кинематографа. В интеллекте, как в кинематографе, неподвижность идеи, помноженная на ничто, дает ту самую иллюзию движения, подобно смене кинокадров. А.Бергсон понимает сущность кино несколько иначе, чем Ж.Делез. Последний трансформирует в своей мысли негативное понимание феномена кино в бергсонизме. Ж.Делез считает искусственную перцепцию, с которой мы имеем дело в кинематографе, весьма продуктивной, и показывает, что можно иметь дело с чистым ничто. Кино – нечеловеческий взгляд камеры из трансцендентального измерения, выход в которое делает возможным техника. Креативность ничто доведена до совершенства в кинематографе, каждый великий режиссер является творцом своего мира, что доказывает не столько ущербность новоевропейской метафизики, сколько культурно-историческую специфичность европейского освоения мира. Бытие как «свечение» в современной культуре давно уступило место бытию как химерическому «мерцанию». Произошла виртуализация реальности. Ибо виртуальность есть «недород бытия» (С.С.Хоружий). Чувство неполноты, нехватки, ощущение экзистенциального вакуума – вполне закономерный итог пути, по которому пошла европейская мысль и культура в целом.

В параграфе **1.3 «Классическая метафизика «формы» и строительная метафора»** рассматриваются особенности европейской метафизики и культуры в целом с точки зрения принципа «формы». Подчеркивая судьбу европейской метафизики, связанную с оппозициями «форма» и «содержание», «форма и вещество», вслед за М.Хайдеггером, мы противопоставляем «формальную» и «строительную» метафоры. Форма – не только метафора, но и понятие. Архитектоническое движение онтологического созидания есть учреждение средокрестия бытия, тогда как «форма» - лишь один из аспектов такого созидания. Аристотелева «каузальная» модель, полагающая форму в качестве «четырех причин» существования вещи онтологически недостаточна. Онтологически понятая вещь несет в себе принцип «стояния в бытии», художник «восстанавливает свое творение» среди сущего. Художественное творение есть сборка элементов в круге бытия. Такое онтологическое «воздвижение» посреди бытия задает онтологическую вертикаль, в отличие от «подвешенности» метафизики «формы». Свойства кружат вокруг вещного средокрестия. Вещь видится как спор «мира» и «земли». На наш взгляд, экзистенциалы «мир» и «земля» способствуют онтологическому прояснению сущности «понятия», с одной стороны, и «метафоры», с другой.

Не только тексты М.Хайдеггера подтверждают наше предположение о важности строительной (архитектонической) метафоры как «сквозной» для истории европейской культуры. Тому подтверждение – архитектоника чистого разума в системе И.Канта. Строительные интенции характерны как для семантики текстов раннего И.Канта («дайте мне материю, и я построю из нее мир»), так и для критического периода, где, в частности, в «Критике чистого разума» рассматривается «совокупность всех знаний чистого и спекулятивного разума как здание», мечта о «башне до небес». Причем И.Кант отмечает недостаток «строительного материала» для здания своей философии, которую Г.Гачев называет «готическим собором». Мы полагаем, что указанная «нехватка» материала обусловлена недостаточностью культурно-исторического опыта в эпоху И.Канта.

Одной из онтологических характеристик современной культуры мы полагаем орбитальность. О ней впервые заговорил Ж.Бодрийяр, который провозгласил рождение «орбитальной эры». Можно утверждать, что средства массмедиа в современной культуре существуют по принципу «все вращается», подобно движению киноплёнки или полету на орбите Земли, в отличие от архаики. Некогда онтологическим постулатом было гераклитово «все течет», медийное бытие - орбитально. Орбитальная метафора предельно широко описывает знаковую циркуляцию в современном мире, поскольку многие из метафор, используемых для описания современной реальности, онтологически не выверены, не упорядочены, не охватывают собой всю реальность. Например, метафоры «картина мира», «кино» и «машина», совпадая онтологически, плохо коррелируются семантически. Можно объединить три семантических единицы и сказать, что все три в совокупности описывают мир-как-компьютер. Но здесь потерян смысл медийной циркуляции, ощущение «космичности» современной картины мира.

Всему «архитектоническому», что связано землей, противостоит «подвешенное», не-подлинное. Современный фаллибилизм противостоит всему бытийствующему по истине. Слово как главный атрибут творения в европейской культуре теряет почву и «вывешивается» на медиа-орбиту. Вместо абсолютной творящей силы бога современное медийное ничто намагничивается дискурсами, порождаемыми медиакризисом. Некогда Божество заклиало мировое «ничто» силой Слова, религиозный ритуал подразумевал циклическое повторение священных текстов. По аналогии, ныне в современном телепространстве ни одно «медийное лицо» не может позволить себе в виртуальном пространстве чрезмерной вольности, следуя «формату», жесткому сценарию. Показательна метафора из произведений Дж.Р.Р.Толкиена. Телевизионное «Око Саурона» обращено к каждому. Каждый обречен взирать на телеэкран в одиночку, подобно маленьким хоббитам из «Властелина колец», каждый из которых сталкивался с нечеловеческой силой магического артефакта один на один. Кольцо в романе Толкиена – символ медийной циркуляции, которая нас поработывает, будучи атрибутом внечеловеческой инстанции. «Кольцо телевсевластия»

совершенствуется, и на его огне сгораем мы сами, с нашим сознанием, заполненном брендами.

В последнем пункте данного параграфа рассматривается вопрос о том, как «бытие на орбите» связано с обозреваемым сущим. Обзор сущего с орбиты медийного бытия требует своей методологической основы для изучения. «Нахождение на орбите» есть способ бытия в современной культуре (поведение пилота за пультом космического корабля). В качестве примера подобной методологии мы рассматриваем наблюдательную философию М.Мамардашвили и А.Пятигорского. С этим также связана и специфика постановки вопроса о метаязыке как языке «отстраненного» наблюдения в трансцендентальном смысле.

В параграфе 1.4 «Проблема языка и трансцендентные инстанции» рассматриваются проблемы сознания, языка и культуры, история осмысления трансцендентных инстанций, проблема метаязыка в ситуации «постпозитивного» отношения к знанию. История осмысления этих инстанций во многом связана с культурным заимствованием. И это позволяет посмотреть на новоевропейскую культуру «извне». Этот вопрос рассмотрен в совместной работе М.Мамардашвили и А.Пятигорского «Символ и сознание». Здесь структура сознания предстает как особый лабиринт, где так называемая «вторичная рефлексия» гарантирует, что мы найдем верный путь осмысления инстанции сознания и языка. Последний, по мнению авторов, вторичен по отношению к мысли. Язык и сознание переплетены, считают авторы. Вспомним слова М.Хайдеггера о том, что язык «вплетает» нас в говорение. Следует подчеркнуть, что генезис понятия «текст» в смысле переплетения гораздо более древний, чем принято считать. И если культура это «тексты», то архаические сочленения языка и трансцендентных инстанций отличаются от современных по своей сути. Когда-то мир был подземным «лабиринтом» или высоким «храмом», теперь он видится уплощенным, он – плоскостная «картина». Сегодня для целей научного описания возникают более сложные проблемы синтетического свойства – проблема метаязыка сознания и метаязыка культуры. Р.Карнап, с одной стороны, и М.Мамардашвили и А.Пятигорский, с другой, подошли к проблеме метаязыка совершенно по-разному. Но в этом структурном зазоре, «параллаксе» между концепциями исследователей появляются новые возможности сущностного определения метаязыка культуры. Р.Карнап разрабатывал понятие метаязыка для совершенствования аппарата математической логики, а два отечественных исследователя пытались применить метаязыковые конструкции для разработки метатеории сознания. Наиболее значимым в контексте настоящего исследования становится инструментальный семантический анализ: «экстенционалы» (классы явлений) и «интенционалы» (свойства). Это напоминает предложение Ю.М.Лотмана и его последователей использовать топологию и пространственные модели для создания метаязыка описания культуры (метаязык – не сами объекты, факты культуры, а «масштаб» для измерения объектов). В силу принадлежности данной концепции неопозитивистской «картине мира», мы предлагаем

«овеществление» подобных концепций в русле современного представления о мире как огромном «компьютере». В этом случае неизбежно возвращение к «орбитальному» взгляду на явления культуры. В случае механистического мировоззрения, все заканчивается структурно-семиотическим моделированием, но на ином уровне масштаб задается работой с трансцендентными инстанциями, благодаря которым мы видим границы языка и не-языка. В рассматриваемой работе М.Мамардашвили и А.Пятигорского трансцендентной инстанцией явилось сознание. Нами произведена систематизация и доработка концепции двух указанных авторов. В результате становится понятно, что если авторы считают необходимым говорить о «сознании сознания», т.е. о метаязыке сознания, то, по аналогии, они считают возможным говорить и о метаязыке культуры. У культуры нет своего, как мы бы его охарактеризовали, «идеального», «равновеликого» метаязыка, и для этого надо использовать те средства, которые она содержит внутри себя, т.е. некие отдельные от рассматриваемой культурной реальности области-модусы. При выходе на метауровень схема «pars pro toto», когда по «части» мы можем судить о «целом», приводит к новому «toto», открывая новый трансцендентальный горизонт. Философия, наука (в частности, лингвистика, семиотика), искусство, литература – все это, по мнению авторов, может дать «прагмемы», универсальные способы деятельности, необходимые для понимания культуры. Еще одна ценная идея двух исследователей в том, что возможны два типа метаязыка: первичный (естественный) и вторичный (научный, субъект-объектный). Например, по нашему мнению, такими прагмемами могут быть чистое созерцание природы как «φύσις» (античность), продуцирование воображаемых вещей (химер) на основе мифа, ритуала, Священного писания (архаика и Средневековье), расщепление восприятия на созерцание и размышление, чувственное и умопостигаемое, набрасывание своей субъективности на сущее (Новое время); орбитальное позиционирование в семиосфере, сфере медиа (современность). Дискурс сознания как трансцендентной инстанции делает особо значимой последующую разработку инстанции внечеловеческого как таковой. Мы снова ставим вопрос о внечеловеческом, но уже применительно к современной трансэстетике. Образы нечеловеческих существ интенсивно эксплуатируются современной медийной цивилизацией. Во-первых, опираясь на тексты М.Хайдеггера, Ж.-П.Сартра, Ф.Ницше, М.Блока, Э.Фромма, Ж.Бодрийера, можно найти пропорцию человеческого и нечеловеческого. Во-вторых, выделяем виды внечеловеческого. В-третьих, существует наиболее репрезентативный ракурс рассмотрения внечеловеческого: аспекты внечеловеческого в рамках проблемы власти и проблемы трансэстетического.

Во второй главе **«Фундаментальные метафоры в контексте семиотической методологии»** рассматриваются значимые для концептуализации фундаментальных метафор аспекты истории семиотики. Задача настоящей главы - соотнести онтологический уровень бытия языка с семиотическим, чтобы увидеть «архитектонику» фундаментальных метафор

на разных уровнях. Таких уровней выделено три: 1) трансцендентально-прагматический; 2) синтагматический; 3) феноменальный или семантический.

В параграфе 2.1 «Трансцендентальность языка и история семиотики», в качестве базовых, анализируются труды Николая Кузанского, Ф.де Соссюра, Ч.С.Пирса, Э.Кассирера. Отдельно используются положения из работ Ю.Лотмана в качестве образца современной методологии семиотического изучения культуры. В двадцатом столетии назревает ситуация, когда констатируется переход от метафизических концепций знаковости к системным и структурно-функциональным. Однако причины такого перехода не только культурно-исторические, но и метафизические, что подтверждает наш анализ «Философии символических форм» Э.Кассирера.

Современное состояние знания о культуре таково, что семиотический подход к культуре является одним из ведущих. Культура понимается как текст в исторической проекции. Ю.Лотман определяет «текст культуры» как ее «картину мира». Это свидетельствует о том, что хайдеггерово «время картины» мира» и лотманово «текст культуры» принадлежат одной культурно- исторической эпохе. Даже если Ю.Лотман использует понятие «текст» как сквозное для разных культур и эпох, с ним, как правило, соседствуют термины с машинной семантикой («смыслопорождающее устройство», модель «мыслящего объекта»).

Рассматривая предысторию семиотических идей в эпоху Средневековья и раннего Возрождения, мы подробно останавливаемся на трудах Николая Кузанского, как наиболее репрезентативных в смысле оптического восприятия мира. Кузанский уподобляет интеллект особому «глазу», используя метафору прозрачного драгоценного камня «берилла» для обозначения интеллектуальной «оптики». Кузанский четко разграничивает познавательную оптику и поток божественного света. Оптическое миропонимание есть некое бытие «между», в котором совпадают противоположности (*coincidentia oppositorum*), в нем присутствует «образ» или «картина мира». В эпоху Средневековья наглядной метафорой для «умного видения» «на вершине созерцания» является игра света в витражах готического собора. Значительно позже своего пика европейское искусство достигает именно как искусство светотени. Только в европейской культуре стало возможным культивировать такой «оптический» вид искусства как живопись во всем многообразии и онтологической глубине. При этом не только теологический дискурс является ведущим в концептуализации опичности европейской культуры. У Ж.О.Ф.Ламетри можно найти преклонение перед способностью воображения и метафору восприятия как «мозгового экрана». Именно Францию, в материалистическую по духу эпоху Просвещения, считают родиной семиотики, с чем нельзя не согласиться. «Машина зрения», метафорически выраженный способ мировосприятия, утверждает возможность познания мира как воображаемого, с одной

стороны, и как гигантского механизма, с другой. Создается представление о культуре как «тексте на плоскости».

В рамках этой традиции появляется семиология Ф. де Соссюра, который различал «язык» и «речь». По его мнению, язык - это «речевая деятельность минус речь». Это парадоксальное определение изымает из языка самое важное. Язык как составляющая онтологического восхождения, творческого потока становится языком как механической «картиной». Подобная идеализация или абстрагирование делает рассуждение о языке химерическим: мы говорим об «остове» языка как о самом языке. Другая версия семиотики, представленная работами Ч.Пирса, заключается в выявлении тернарной природы семиотических актов, в идее семиотической валентности. Идеи Ч.Пирса позже станут основополагающими для разработки онтологии кино Ж.Делезом. Семиотика Ч.Пирса показала, что основополагающей конструкцией знаковых отношений становится «образ» (нем. Bild). То же слово легло в основу концептуализации «картины мира» (нем. Weltbild). Следуя мысли Ф.Г.Юнгера, «цивилизация Образа» соотносится с «цивилизацией Слова». Gestell связан с архитектурой Слова. Немецкое Bild, семантически отсылая не только к миру - «образу», но и к миру - «картине», вносит гармонию в диссонанс хайдеггеровой и витгенштейновой линии развития философии языка.

Ключевое размежевание в новоевропейской мысли по поводу проблемы языка представлено в трудах различных по духу мыслителей – М.Хайдеггера и Л.Витгенштейна. При кажущемся очевидном различии, в идеях двух философов есть определенное семантическое сходство (что отражено в работах П.Кампица, Р.Рорти, К.О.Апеля и др.). И это сходство – в самом языке их произведений. Два различных языка имеют сходную семантику, каждый из них выступает как метаязык для другого. Сопряжение двух языков выводит во внешнее пространство новоевропейской культуры. М.Хайдеггер задает метауровень языка европейской культуры через обращение к наивысшему, бытию в истоке его понимания. Л.Витгенштейн видит этот метауровень как «картинную репрезентацию» реальности. Границы своего языка он понимает как границы собственного мира. У Л.Витгенштейна мы находим «мета» как «после», у М.Хайдеггера «мета» как «позади». Язык становится той «просветляющей серединой» или «картиной» реальности, которая вовлекает нас в трансцендентальную игру, игру европейского воображаемого. Бытие языка становится бытием «между», мезобытием. На всем протяжении развития европейской культуры воображаемое проецируется через теологическое ничто, затем это ничто стало метафизическим, чтобы в будущем стать «медийным». В футурологической проекции химеры европейского воображаемого, еще проявят себя, в сфере искусства и литературы.

В параграфе 2.2 «Концепции метафоры и проблема метаязыка» рассматривается метафора как способ репрезентации основных прагмем европейской культуры. Для исследования привлекаются концепции метафоры М.Блэка, Х.Блюменберга, Р.Бойда, Э.Мак-Кормака, А.Ричардса,

Ст.Пеппера, Х.-Ортега-и-Гассета, Ф.Р.Анкерсмита, Х.Уайта, П.Рикера, Р.Рорти. В результате рассмотрения наиболее релевантными нашей концепции фундаментальных метафор являются концепции «коренных метафор» Ст.Пеппера, «базовых метафор» Э.Мак-Кормака, «главных метафор» Х.-Ортега-и-Гассета. Достоинством теории Ст.Пеппера является историзм его концепции и сама идея «коренных метафор». Для автора конституирование «коренных метафор» и обычная аналогия – это синонимы. Но это отнюдь не «шпенглеровский» метод аналогии. Обширные пласты исторической действительности попадают в прокрустово ложе «маленьких» понятий без учета глубинных культурных интенций, породивших данный способ миропонимания. Помимо пренебрежения онтологической проблематикой, другим слабым звеном концепции Ст.Пеппера и Э.МакКормака является использование гипотeko-дедуктивной методологии, и отсутствие онтологической основы. Отличительная черта концепции Э.МакКормака - признание «трехуровневости» в конституировании того, что ученый называет «базовыми метафорами». В базовой метафоре есть три уровня: уровень «поверхностного языка», принятого в данной культуре; уровень «семантики и синтактики», и уровень «познания». Однако, здесь исследователь опирается лишь на собственные фрагментарные соображения. Тогда как «глубинные структуры человеческого разума», которые не раскрыты и не объяснены Э.МакКормаком, и делают возможной метафору, лучше всего объясняет понятие трансцендентального. Метафора – своеобразный феноменальный эффект иерархического взаимодействия трансцендентальных структур на основе сопоставления и различения сходного и несходного в своих семантических референтах.

Таблица 1
Фундаментальные метафоры

Уровни опосредования первичной реальности	Корневые структуры	Ризомные структуры
	Тело, телесная метафора (изначальный синкретизм)	Тело, телесная метафора (символизм хтонических существ)
	Имагинативная метафора (внечеловеческое, воображаемое, ничто)	Имагинативная метафора (нечеловеческое, «монстры»)
	Машинная метафора (природа как механизм)	Машинная метафора (социальная мегамашина)
	Орбитальная метафора (картина мира)	Орбитальная метафора (мир как медиа)

В связи с вышеизложенным, в результате проделанного анализа предлагается схема из фундаментальных метафор (Таблица 1), под которую могут быть подстроены любые ситуативные.

В параграфе 2.3 «Фундаментальные метафоры» рассматриваются ключевые для европейской культуры метафоры в соответствии с предложенной схемой (Таблица 1). В истории опосредования инстанции бытия (φύσις) мы движемся от фундаментальной телесной метафоры. «Тело»

провозглашено доминантой современной культуры. Однако изначальная телесность сущего надежно закрыта от нас метафизическим циферблатом, современной «картиной мира». Мы имеем дело с телом медицинским, анатомическим. Современные представления о теле в смысле «позы», «позиции» соотносятся с античными (Парменид и Эмпедокл). Отдельно в качестве наиболее репрезентативного представления о теле в современности рассматривается феноменология тела в философии М.Мерло-Понти. Понимание тела у М.Мерло-Понти имеет определенное отношение к изначальному бытию, понятому в модусе внечеловеческого, насколько только это возможно в метаязыке новоевропейской культуры. Тело, понятое как синкретическое по своему характеру опосредование первичной реальности, «набросок подлинного присутствия в мире», выступает в данной концепции и как проводник в широкий мир, к открытости бытия.

Метафора воображаемого, обладающая «нулевой» семиотической валентностью, открывает начальную ситуацию европейского мышления. Если даже в период упадка античная культура мыслилась как «ойкумена», то современная культура выставляет напоказ фэнтези-проекции европейского воображаемого. Известно, что И.Кант придал воображению трансцендентальное измерение и соединил эту идею с идеей синтеза. М.Хайдеггер интерпретировал идеи И.Канта в связи с пониманием воображения как чистого созерцания онтических данностей. Ж.-П.Сартр подчеркивает, что «каждое мгновение нашей сознательной жизни открывает нам творение «ex nihilo», отсылая к знаменитому постулату средневековой философии, ex nihilo, «из ничего». Благодаря Ж.-П.Сартру, мы понимаем, что «воображаемое», «образ», «трансцендирование», «ничто», «негация» – все это звенья одной цепи, инструментального отношения к миру.

Фундаментальная «машинная» метафора связана с развитием как техники, так и метафизического мышления. Говоря о технике, важно, что историческое развитие в движении от достаточно примитивных орудий труда (каменный топор, соха, плуг) к механизмам и автоматам. В конце XVIII столетия появляется паровой двигатель, происходит промышленная революция. Некогда в древних цивилизациях, таких как Египет, миру были явлены мегамашина религии и бюрократическая мегамашина (Л.Мэмфорд). Человеческое тело впервые стало измеренным и взвешенным производственным ресурсом. Мир узрел картину трансформации человеческой телесности в некую мегаконструкцию.

Антропологический подход и теоретическая механика совпадают в определении машины. Создатель теоретической механики и антрополог, Ф.Рело и Л.Мэмфорд сходятся в том, что машина это «сочетание сопротивляющихся частей», у каждой из которых своя «функция», чье предназначение в использовании энергии и совершении работы (Л.Мэмфорд). Определение машины Н.Винером как «преобразователя со множеством входов и выходов» коррелируется с определением техники как «вида раскрытия потаенности» у М.Хайдеггера. В соответствии с основной линией нашего исследования «машинность» может быть понята статически

(«оседлое») и динамически («кочевое»). «Оседлая» машинность интерпретируется, например, хайдеггеровым *Gestell*. Динамический аспект машинности лучше всего передается понятием «функция».

Еще одна из фундаментальных метафор – орбитальная. Орбитальность, в узком смысле – циркуляция знаковых систем в мире медиа. «Все течет» - говорили греки, когда искали во всем телесное первоначало. «Все растет», - говорит европейская культура с ее идеями машинной линейной эволюции, в том числе образования, воспитания, эволюции человека. «Все циркулирует», – говорит нам современная медиареальность. В широком смысле орбитальность есть аналогия физических макро- и микро- взаимодействий. Наблюдая за процессом эволюции Вселенной, мы можем констатировать следующее. «Все вращается» (звездные системы), «все расширяется» (Вселенная) - говорит нам современная астрофизика. «Элементарная частица имеет свой спин» – говорит квантовая физика. В конечном счете, необычайно актуальной становится идея «космического расширения» человеческого мира.

Итак, орбитальные взаимодействия составляют важнейший элемент метаязыка современной культуры. Анализируя динамику квантовых взаимодействий, тем самым переходя от «орбит» (макрровзаимодействия) к «орбиталям» (микровзаимодействия). Эра квантовой физики и нанотехнологий делает вполне доступным то самое «выведение потаенного», о котором писал М.Хайдеггер в связи с проблемой техники, в область широкой применимости.

В параграфе 2.4 «**Метафизический циферблат как проявление машинной метафоры**» рассматриваются особенности метафизического опосредования первичной реальности на примере «универсальной вещи» европейской культуры – «часов», а также, производной от данного образа, метафоры «метафизического циферблата». Эксплицитно «машинность» европейской культуры лучше всего, на наш взгляд, выражается именно метафорой часов. Существует два аспекта европейского образа времени как «часов». Механизм часов «за сценой» и круг-циферблат перед нашим взором. Символический мир чистого разума и чистая длительность. Дискретное «квантованное» время, существующее в делениях на циферблате, и чистая временная цикличность, неумолимый ход механизма, который остановить невозможно. Европейская ментальность изначально ориентирована на отрицание природного бытия *φύσις*. Ее тайной интенцией становится «пара-фюсис», что означает «вопреки природе» (ср. «мета-фюсис», «метафизика»).

С тех пор как к XIV веку в Европе появляются первые механические башенные часы, вместо приблизительного измерения событий религиозной жизни появилась необходимость измерения точного рабочего или государственного времени. Семнадцатый век готовит метафизическую почву для нового понимания времени. Р.Декарта можно считать главным «часовщиком» новой метафизики. Метафизики, использующей образ часов как символ искусственной природы, универсальный медиатор и модель человеческой деятельности. «Колеса» и «шестерни» часов «второй

природы», прикрытые циферблатом новых метафизических построений как «трансцендентальной заглушкой», оставляют мало шансов взгляду, устремленному «по ту сторону» обычного мира, к миру чудесного, трансцендентного. Затем наступает эпоха великих систематиков, эпоха немецкой классической философии. Эпоха И.Канта, который подвесит метафизические часы на небывалую доселе высоту интеллектуального космоса. Эпоха Г.Гегеля, который своим методом отполирует циферблат до зеркального блеска и трансформирует его в феноменологическое зеркало, гигантский метафизический механизм сознания, продуцирующий понятия сами по себе.

Ф.Г.Юнгер прослеживает всю цепь эволюции техники и находит, что главная метафорическая фигура этого процесса – колесо как символ «мертвого времени». По Ф.Г.Юнгеру, сущностно различны безжизненная пустота времени механического и «метрический характер человеческого движения». Периодичность жизни становится механической, человек приучается к тому, что веселье, связанное с праздником, зависит не столько от него самого, сколько от механизированных способов его получения. Кино, танцы, рыбная ловля, не говоря о радиовещании и кинематографе, – все это является манифестацией механистического времяпрепровождения. Метафизический принцип «мертвого времени» распространяется как на эру примитивных машин и механизмов, так и на эру машин самодействующих, эру автоматов.

Таким образом, человек в Западной культуре служит «мертвому времени», времени, в котором часы рано или поздно останавливаются. Эта проблема поставлена в метафизике и манифестирована в литературных текстах и кинематографе. «Остов» чистой длительности, вторичная репрезентации «живого» течения времени, «циферблат» того, что находится за сценой – вот с чем мы имеем дело в новоевропейской культуре.

В третьей главе «Фэнтези-проекции фундаментальных метафор в современной культуре» на материале литературных текстов и кинофильмов показано, как европейское воображаемое, изначально будучи спроецировано в область сказок, легенд, саг, эпических произведений, рыцарских романов, претерпело процесс дальнейшего развития в различных формах культуры. Получив определенную историческую форму, пройдя горнило онтологической и семиотической трансформации, будучи вписано в мощную религиозную культуру европейское воображаемое весьма специфическим образом проявилось в литературе, особенно фантастической, и в кинематографе. Античное *φαντασία* трансформировалось в англо-саксонское *fantasy*, обретя некий новый онтологический статус. Стиль фэнтези – одно из наиболее характерных проявлений жанра фантастической литературы, демонстрирующий неустранимость такой вот специфической формы воображаемого из европейской культуры. Бум нечеловеческих существ в современных «фантазийно» ориентированных кино и литературе – ярчайшее доказательство сказанного.

Следуя гипотезе существования фундаментальных метафор описания культуры, с одной стороны, и идеям о семиотической валентности, представляющей собой историко-культурную интерпретацию теории Ч.Пирса, от одновалентных по преимуществу образов к трехвалентным, мы рассматриваем литературные тексты - Олимпиодора, И.В.Гете, В.Гюго, И.Ефремова, С.Лема, Р.Брэдбери, Р.Желязны, Ч.Паланика, В.Пелевина и т.д. Мы соотносим некоторые из них с кинотекстами. Особое значение имеет анализ творчества А.Тарковского, фильмы «Андрей Рублев», «Солярис», «Сталкер». Через искусство кино глубоко раскрывается семантика φύσις, «внечеловеческого», «машинного», понимания бытия в разные исторические эпохи. При этом мы констатируем, что образов, в которых мы могли бы зафиксировать «чистые» образчики семиотической валентности (интерпретация идей Пирса о семиотических первичности, двоичности, третичности), в текстах, пропущенных через «сито» современного мировоззрения не так уж и много. Но мы находим преобладание тех или иных семиотических кодов, их сочетание в пределах тех или иных образов.

В параграфе 3.1 «Химеры воображаемого и фантастическая литература» подчеркивается, что бытие как «свечение» в современной культуре давно уступило место бытию как «мерцанию». Произошла виртуализация реальности. Чувство неполноты, нехватки, ощущение экзистенциального вакуума – вполне закономерный итог пути, по которому пошла европейская мысль. В современном пространстве медийной коммуникации, в условиях сложного техногенного опосредования константной реальности формируется такой феномен как реальность виртуальная. Средневековое понимание виртуального как потенциалов, скрытых во внутреннем пространстве материи (Августин, Кузанский, Аквинат), будучи технически опосредовано, обрело конкретное воплощение.

Нами разработано понятие «химерического». «Химерическое» как семиотический конструкт противоположно «кентаврности». Первое отсылает, прежде всего, к игре воображения, второе – к мифологии как части самой жизни. Знаковая циркуляция в мире массмедиа по своей природе действие химерическое. Виртуальная реальность как некий «недород бытия» (С.С.Хоружий), химерическое мерцание неких фантомных образований своим истоком имеет проект мышления, который зарождался в ощущении внечеловеческого.

В параграфе 3.2 «Телесная метафора» представлены тексты И.Ефремова, С.Лема, А.Тарковского. Рассматривается представление о первозданной телесности на примере образа Таис Афинской в одноименном романе И.Ефремова, а также нечеловеческой космической телесности на примере фильма А.Тарковского «Солярис» как экранизации одноименного романа С.Лема. В образе Таис воссоздана полнота телесного бытия, сопряженная с неповторимостью внутренней душевной жизни. Характерен «энтазис» - напряжение всех телесных сил этой «идеальной женщины», женщины-эталона. Следуя гипотезе существования фундаментальных метафор описания культуры, с одной стороны, и идеям о семиотической

валентности, представляющей собой историко-культурную интерпретацию теории Ч.Пирса, от одновалентных по преимуществу образов к трехвалентным, мы рассматриваем образ Таис. В образе Таис есть и «первичность», и «вторичность», и «третичность», они находятся в гармонии. Для контраста мы далее изучаем и совершенно иной тип телесности, «космической», нечеловеческой на примере экранизации романа «Солярис» С.Лема. Существует проблема контакта человека с гигантским познающим разумом, моделью космической материи, продуцирующей воображаемые миры, благодаря тому, что человек «останавливает» своим сознанием поток бытия - φύσις. Но гораздо глубже в нас стремление человеческой телесности к моноонтическому, к единству с природой, с φύσις. На примере «Соляриса» мы созерцаем первичность в античном смысле как допредикативность.

В параграфе 3.3 «Внечеловеческое как базовая составляющая европейского воображаемого» рассматриваются тексты В.Гюго, Б.Стокера, В.Пелевина. Особо важным источником с точки зрения символического описания «нечеловеческих» архетипов европейской культуры является текст «Собора Парижской Богоматери» В.Гюго. Образ одного из героев романа, Квазимодо, может быть понят как метафора нечеловеческого, представленного в человеческом облике. Нечеловеческое в теле человека-Квазимодо спаяно с нечеловеческим в здании собора, здесь мы наблюдаем такой архетип как «здание-чудовище». Далее подробно рассматривается внечеловеческое как вампирическое на примере романа В.Пелевина. Мы можем найти в пелевинском тексте оппозицию базовой визуальной метафоре, репрезентации мира через функцию зрения – восприятие мира через вкус. Вампиры представлены как «дегустаторы» человеческой культуры. Вампир в тексте скорее «кентавричен», чем «химеричен», ибо природен. Химеричен именно человеческий разум. Но это больше телесная данность, чем способность суждения о прекрасном. Характерно также, что вампирическая «дегустация» отсылает к процессу потребления в массовой культуре.

В параграфе 3.4 «Машинная метафора» рассматриваются тексты А.Тарковского, Ч.Паланика, Д.Аронофски. Наиболее обширен в данном параграфе анализ фильма «Сталкер» А.Тарковского. Фильм представляет переход от репрезентаций семиотической «первичности» к репрезентациям «вторичности». Вторичность может быть понята в смысле «Машины желаний», как важном модусе бытия человека. А.Тарковский единичностью полагал водную стихию. Вода в «Рублеве», вода в «Солярисе», вода в «Сталкере», вода в «Ностальгии» - символ вечного возвращения к первичному состоянию подлинности, бытию «фюсис». В «Сталкере» показано, что человек своим состоянием, своими желаниями вносит ощутимый диссонанс в природное бытие. «Зона» олицетворяет собой природную, трансцендентальную нейтральность, равновесие, неизбежно нарушаемое человеком, его внутренним состоянием. Зона «нейтральна», однако стоит здесь появиться человеку, «все течет» начинает звучать как «все вращается» - вокруг человека. Чтобы понять, как функционирует

«машина желаний» в современном обществе далее мы анализируем более поздние тексты – роман Ч.Паланика «Бойцовский клуб» и «Реквием по мечте» Д.Аронофски.

В параграфе **3.5. «Орбитальная метафора»** анализируются тексты Р.Желязны, К.Бое, Рэя Брэдбери. Особое значение для анализа указанных текстов имеет общекультурный символ лабиринта. Проблема понимания медиа как многосложности может быть проиллюстрирована схематизмом прохождения мирового лабиринта. Лабиринт в «космическом» смысле имеет семантические соответствия в современном медийном мире. Ведь попадая в пространство-время медиа, мы попадаем в особого рода лабиринт. На примере романа Рэя Брэдбери мы видим как возможна трансформация «гетерогенного» классического лабиринта (древовидность, растительные коннотации) в «орбитальный» (бытие-скорость).

В **Заключении** подводятся итоги исследования и делаются выводы. В, частности, говорится о том, что автором рассмотрены вехи становления европейской культуры, для чего нами были привлечены самые разнообразные тексты. Ими стали сочинения выдающихся европейских мыслителей от раннего Средневековья до Нового и Новейшего времени, необходимые для решения основных задач исследования произведения искусства, литературные тексты и кинофильмы.

На поверхности метафизического циферблата европейской культуры видны ключевые образы, являющиеся репрезентацией способов опосредования реальности через язык.

Ставя своей задачей не лингвистическое, а общефилософское исследование метафоры как матричного способа построения научной теории, мы определяем это как фундаментальные метафоры.

Фундаментальные метафоры выступают в качестве репрезентаций трансцендентальных оснований способов деятельности, присущих определенной эпохе, проявленных в языке. Здесь проявлены три момента: язык, реальность, отношение к реальности (трансцендентального субъекта, личности).

Фундаментальные метафоры исчерпывающим образом демонстрируют базовые культурно-специфичные способы деятельности и опосредования первичной реальности. Дискурс фундаментальных метафор конституирует историю европейской культуры. Вопрос о метаязыке и фундаментальных метафорах – попытка рассмотреть не только сущностные характеристики, но и модусы бытия языка в исторической перспективе. Под последними мы и понимаем то, что делает метафоры «фундаментальными». Сочетание визуальных сторон мировосприятия и звучащей речи в каждую эпоху осуществляется особым образом. Например, в эпоху Просвещения визуальное восприятие мира превалирует.

В результате исследования установлено, что метауровень языка культуры задается либо онтологически (как язык в изначальном смысле), либо семиотически (как сложный комплекс знаковых референций). Онтологически метаизмерение языка рассматривается как предельное

различие, формирующее мир культуры. Язык – непрерывное порождение, способ рождения самой культуры. Существуют семантические расширения феномена языка, которые с необходимостью приводят нас к дискурсу трансцендентных инстанций. Таким образом, мы рассматриваем метаязык культуры как матрицу фундаментальных метафор, проецирующую способы деятельности, характерные для разных эпох, и проявляющиеся в метафизике Нового и Новейшего времени.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Малышев, В. Б. Семиотика культурологического образования: Монография / В. Б. Малышев. – Самара: СамГТУ, 2010. – 240 с. (13,92 п.л.)
2. Малышев, В. Б. Метафоры современности: Монография / В. Б. Малышев. – Самара: СНЦ РАН, 2012. – 245 с. (14 п.л.)

Статьи, опубликованные в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук:

3. Малышев, В. Б. Семиотический монтаж как метод познания: образовательные аспекты / В. Б. Малышев // Известия Самар. науч. центра РАН. Спец. вып. «Новейшие гуманитар. Исследования». – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2006. – С.16 – 28. (0,9 п.л.)
4. Малышев, В. Б. Фундаментальные метафоры в структуре метаязыка описания культуры / В. Б. Малышев // Аспирантский вестник Поволжья. – 2008. – № 5-6. – С. 44 – 50. (0,9 п.л.)
5. Малышев, В. Б. Метаязыковые дескрипции феномена образования: параллаксное видение / В. Б. Малышев // Аспирантский вестник Поволжья. – 2009. - № 5-6. – С. 63 – 67 (0,6 п.л.)
6. Малышев, В. Б. Феноменология орбитальности и метаязык медиагламюра / В. Б. Малышев // Аспирантский Вестник Поволжья, 2010. №1 – 2. – С.49 – 53. (0,5 п.л.)
7. Малышев, В. Б. Солярийские опыты: метаязык диалога с Неведомым / В. Б. Малышев // Аспирантский Вестник Поволжья, 2010. №5 – 6. – С.42 – 46 (0,6 п.л.)
8. Малышев, В. Б. Таис Афинская в романе И.Ефремова: параллаксный взгляд на первоизданную телесность / В. Б. Малышев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 3 (9): в 3 – х ч. Ч. I. – С. 104 – 107 (0,7 п.л.)

9. Малышев, В. Б. Космический лабиринт: от архаических метаязыковых описаний к современности / В. Б. Малышев // Аспирантский Вестник Поволжья, 2011. №7 – 8. – С.38 – 41 (0,6 п.л.)
10. Малышев, В. Б. Сказка как феномен естественного метаязыка: к постановке проблемы / В. Б. Малышев // Малышев, В. Б. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. - Тамбов: Грамота. – 2011. № 5 (11): в 3 – х ч. Ч. I. – С. 123 – 126 (0,6 п.л.)
11. Малышев, В. Б. Нечеловеческий ореол власти / В. Б. Малышев // Политика и общество. – 2011. – №12 (90). – С. 166 – 173 (0,7 п.л.)
12. Малышев, В. Б. Между хтоническим и божественным: космогонические метафоры европейской культуры / В. Б. Малышев // European Social Science Journal. – М.: АНО МИИ; Рига: Mazleksnes, 2011. – N 11 (14). – С. 26 – 34 (0,9 п.л.)
13. Малышев, В. Б. Две концепции метаязыка в контексте проблемы «первичности» и «вторичности»: опыт реификации / В. Б. Малышев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов: Грамота. – 2012. № 3 (17): в 3 – х ч. – Ч. I. – С. 120 – 124 (0,7 п.л.)
14. Малышев, В. Б. Метафизический циферблат как базовая метафора европейской культуры / В. Б. Малышев // European Social Science Journal. – М.: АНО МИИ; Рига: Mazleksnes, 2012. – N 3 (19). – С. 29 – 35 (0,8 п.л.)
15. Малышев, В. Б. «Картина берет нас в плен»: трансцендентальность языка в концепциях М.Хайдеггера и Л.Витгенштейна / В. Б. Малышев // XXI ВЕК: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: науч. – метод. журнал. – 2012. – №4 (08). – С. 43 – 49 (0,6 п.л.)
16. Малышев, В. Б. Текст, исчезающий в огне медиа: Рэй Брэдбери и орбитальная метафора / В. Б. Малышев // XXI ВЕК: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс: науч. – метод. журнал. – 2013. – №8 (12). – С. 254 – 259 (0,5 п.л.)

Статьи и доклады на всероссийских и международных конференциях, опубликованные в прочих изданиях:

17. Малышев, В. Б. Метаязык культуры в эпоху социальных трансформаций / В. Б. Малышев // Социальные инновации в культурном процессе: стратегии развития и преобразования. Межд. науч. конф.: Сб. ст. – В 2 – х т. – Т.1. – Самара: Изд – во СНЦ РАН, 2005. – С. 91 – 109 (1,1 п.л.)
18. Малышев, В. Б. Метаязыковые основания онтологии культуры: опыт семиотической интерпретации проблемы / В. Б. Малышев // Парадигма: Очерки философии и теории культуры. Вып.6. Мат. межд. науч. конф. «Онтология в XXI веке: проблемы и перспективы», 26 – 28 июня 2006г., СПб.: Изд – во С. – Петербург. ун – та, 2006. – С. 346 – 354 (0,5 п.л.)
19. Малышев, В. Б. Киномышление и семиотический монтаж: образовательные аспекты / В. Б. Малышев // Актуальные проблемы

- методологии, философии науки и образования: Сб. тр. межд. науч. – практ. конф. – Москва – Уфа: РИО БИСТ, 2007. – С. 205 – 208 (0,3 п.л.)
20. Малышев, В. Б. Бытие «между»: опыт разработки философского концепта «мета» / В. Б. Малышев // Современная онтология II: Мат. межд. научной конференции «Бытие как центральная проблема онтологии» (25 – 29 июня 2007 г., г. Санкт – Петербург). – СПб: Изд – во С. – Петербург. ун – та, 2007. – С. 523 – 534 (0,3 п.л.)
21. Малышев, В. Б. Мир через воображение: метаобразы и метапонятия в процессе создания семантических образовательных пространств / В. Б. Малышев // В поисках музейного образа: Мат. всерос. науч. конф. 12 – 13 апреля 2007 г. – СПб: Изд – во С. – Петербург. ун – та, 2007. – С.115 – 125 (0,8 п.л.)
22. Малышев, В. Б. Культура общества потребления и метаязык шизоанализа / В. Б. Малышев // Мат. межд. науч. – практ. конф. «X Невские чтения» (23 – 25 апреля 2008 г.). – СПб: Изд – во НИЯК, 2008. – С. 174 – 177 (0,3 п.л.)
23. Малышев, В. Б. Социальная трансформация в семиотике кино: опыт шизоаналитического исследования / В. Б. Малышев // Трансформации: риск, кризис, адаптация. – Самара: сб. ст. – Самара: Изд – во Самар. науч. центра РАН, 2008. – С.186 – 192 (0,4 п.л.)
24. Малышев, В. Б. О некоторых метаязыковых аспектах истории европейской педагогической культуры / В. Б. Малышев // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Мат. V Самар. всерос. науч. – практ. конф. – Самара: Изд – во СНЦ РАН, 2008. – Т. 1. – С. 46 – 50 (0,4 п.л.)
25. Малышев, В. Б. Машинное сообщество и гуманитарные дисциплины / В. Б. Малышев // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Мат. V Самар. всерос. науч. – практ. конф. – Самара: Изд – во СНЦ РАН, 2008. – Т. 2. – С.187 – 192 (0,4 п.л.)
26. Малышев, В. Б. Взаимодействие как смена метапозиций в мире Воображаемого / В. Б. Малышев // Мат. межд. науч. конф. «Современная онтология III: категория взаимодействия». – СПб.: Изд – во с. – петерб. ун – та, 2009. – С. 508 – 519 (0,8 п.л.)
27. Малышев, В. Б. Синий сфинкс Петербург – опыт символического описания в культурно – исторической перспективе / В. Б. Малышев // Санкт – Петербург как эстетический феномен: Сб. ст. – СПб.: с. – петерб. филос. о - во, 2009. – С. – 125 – 132 (0,7 п.л.)
28. Малышев, В. Б. Метасостояния сознания в древневосточной и современной западной философских традициях / В. Б. Малышев // Пятые Торчиновские Чтения. Философия, религия и культура стран Востока. – СПб., 2009 г. – С. 575 – 582 (0,7 п.л.)
29. Малышев, В. Б. Трансформация как искусство метапозиции / В. Б. Малышев // Медиафилософия II. Границы дисциплины; под. ред. В.В.Савчука, М.М.Степанова. – СПб.: с. – петерб. филос. о - во, 2009. – С.202 – 210 (0,7 п.л.)

30. Малышев, В. Б. Эвристика «оседлого» и «номадического» в культуре и образовании / В. Б. Малышев // Отечественные предприятия и инноватика: Сб. науч. тр. – Саратов: Изд – во СГТУ, 2009. – С. 204 – 207 (0,3 п.л.)
31. Малышев, В. Б. Культура как тело: эвристика продвижения в пространстве культуры / В. Б. Малышев // Наука. Творчество: Сб. ст. – Т. 3. – М.: Изд – во межд. экол. Союза, 2010. – С. 39 – 44 (0,4 п.л.)
32. Малышев, В. Б. Сборка образа в мире трансэстетического: трансформации и метапозиции / В. Б. Малышев // Эстетика без искусства? Перспективы развития. – Сб. ст.– СПб: с. – петерб. филос. о - во, 2010. – С. 57 – 71 (0,3 п.л.)
33. Малышев, В. Б. Феномен непрерывного образования и его метаязыковые дескрипции / В. Б. Малышев // Актуальные проблемы современной науки. Мат. межд. науч. – практ. конф. «XII Невские чтения»: Сб. ст.– СПб: НИЯК, 2010. – С. 275 – 279 (0,3 п.л.)
34. Малышев, В. Б. Игра в «До» и «После» на метаязыковом пограничье: трансформации общекультурной архетипической схемы / В. Б. Малышев // Игровые практики культуры: науч. доклады и сообщения. – СПб: Изд – во СПбГУ, 2010. – С. 8 – 11 (0,3 п.л.)
35. Малышев, В. Б. Метапозиционирование и лабиринт мира: концептуальный анализ / В. Б. Малышев // Коммуникация: метафизика и метадискурс. – Сб. ст. – СПб: изд – во Политех. ун – та, 2010. – С. 167 – 174 (0,5 п.л.)
36. Малышев, В. Б. Игра в "До" и "После" на метаязыковом пограничье: опыт мира как кино / В. Б. Малышев // «Границы и переходы: социальные инновации в культурном процессе» : сб.ст. – Самара: ВЕК#21, 2010. – С.141 – 148 (0,5 п.л.)
37. Малышев, В. Б. Воды Соляриса и метаязык диалога с Неведомым / В. Б. Малышев // Диалог культур и культура диалога: сб. ст. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 188 – 194 (0,5 п.л.)
38. Малышев, В. Б. Человек, мыслящий искусство и машины скорости / В. Б. Малышев // Вестник Самарской гуманитарной академии, 2010. – №2. – С. 70 – 79 (0,8 п.л.)
39. Малышев, В. Б. Сказка как элемент естественного метаязыка / В. Б. Малышев // Процессы модернизации и ценности культуры: Мат. XVIII межд. конф. «Ребенок в современном мире». – СПб: изд – во Политех. ун – та, 2011. – С. 260 – 265 (0,5 п.л.)
40. Малышев, В. Б. Предельные метаязыковые основания семиозиса культуры / В. Б. Малышев // Фундаментальные проблемы культурологии: Том 5: Теория и методология современной культурологии. – СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. – С. 347 – 356 (0,9 п.л.)
41. Малышев, В. Б. Образование и культура: к вопросу о метаязыке образовательной инноватики / В. Б. Малышев // Молодежь, образование, культура: современные реалии и проблемы: Мат. всерос. науч. – практ. конф. с межд. участием. – Самара: Книга, 2011. – С. 125 – 129 (0,4 п.л.)

42. Малышев, В. Б. Образование как сотворение образа: онтологические основания / В. Б. Малышев // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Мат. VII всерос. науч. – практ. конф. – Самара: Изд – во СНЦ РАН, 2012. – С. 78 – 81 (0,3 п.л.)
43. Малышев, В. Б. Фундаментальные метафоры классического образования: «форма» и «созидание» / В. Б. Малышев // Актуальные проблемы развития высшего и среднего образования на современном этапе: Мат. VII всерос. науч. – практ. конф. – Самара: Изд – во СНЦ РАН, 2012. – С. 225 – 229 (0,4 п.л.)
44. Малышев, В. Б. Универсальная вещь: к вопросу об одной базовой метафоре европейской культуры / В. Б. Малышев // Вояджер: мир и человек: теорет. и науч. – метод. журнал. – 2012. – №2. – С.75 – 82 (0,7 п.л.)
45. Малышев, В. Б. Современный ребенок и ценность чудесного: фэнтези-проекция онтологической изначальности / В. Б. Малышев // Аксиология детства и стратегии образования: Мат. XX межд. конф. «Ребенок в современном мире. Ценностный мир детства». – СПб: изд – во Политех. ун – та, 2013. – С.179-183 (0,3 п.л.)